

*Моей Фрэнсис — даже когда все погасло,
ты оставила в моем сердце тихое свечение,
которое я до сих пор несу сквозь жизнь*

Пролог

Дзын-нь!

Сигнал о новом уведомлении разрезал сонную тишину спальни.

«Выставка-исповедь: пейзажи Грин обнажают душу без единого намека на пафос — только честность и щемящая нежность...»

Выругавшись вполголоса — надо же было не отключить звук! — Джастин взял с тумбочки телефон и тихо, чтобы не разбудить спящую Эмили, вышел на кухню.

Дождавшись, когда дверь закроется с негромким щелчком, он включил экран и просмотрел накопившиеся уведомления. Отзывы и рецензии начали появляться с самой ночи. О выставке молодой перспективной художницы Эмили Грин, состоявшейся накануне в художественной галерее в Сохо, писали много хорошего. И даже не про шампанское и закуски, хотя тут все тоже было на высоте — не зря команда Джастина столько готовилась. Гораздо больше говорили о картинах, что уже само по себе считало успехом.

«Картины Эмили Грин — это не просто пейзажи, а окна в забытые воспоминания, где каждый мазок передает тихий диалог между природой и ностальгией».

ИСКРЫ НАДЕЖДЫ

«Ее работы напоминают, что красота — это не совершенство, а искренность: потрепанные сараи и кривые заборы здесь поэтичнее альпийских вершин».

«Эта картина как окно в детство. Я словно вернулся на бабушкино ранчо, где пахнет свежескошенной травой, а на веранде ждут сэндвичи и кувшин холодного лимонада. Стопроцентное погружение!»

Для первой личной выставки неплохо. Нет, даже очень хорошо, если считать два устных предложения от заинтересованных крупных коллекционеров. Почти полгода переговоров с площадкой, полный контроль над организацией мероприятия от пригласительных для критиков и авторов модных колонок до закупки целого ящика «Вдовы Клико» окупились сполна.

«Грин не рисует природу — она запечатлевает само время, где прошлое и настоящее сливаются в одной мазке кисти».

Джастин улыбнулся, бросив взгляд на пиджак, в кармане которого ждала своего часа заветная коробочка. Эмили изображала на холстах прошлое и настоящее. Он же готовился сделать шаг в будущее.

Они познакомились пять лет назад в кофейне при университетском кампусе. Их встреча могла бы сложиться до невозможности банально: она облила его кофе, он влюбился с первого взгляда. Но нет. Кофе выплеснулся на страницу раскрытого скетчбука, и пока Джастин, по чьей вине произошел инцидент, пытался сбивчиво извиниться, Эмили, совершенно его не слушая, потянулась за кисточкой, чтобы превратить пятно в необычный рисунок. С тех пор странноватая рыжеволосая девушка не выходи-

ла у Джастина из головы. Но подойти к ней и пригласить на свидание он решился только после третьей случайной встречи.

Само собой, свидание было деловым. Джастин Лейк, сын известных в Чикаго владельцев галереи, решил начать карьеру арт-агента еще до получения диплома и объединил вокруг себя четырех молодых художников, заинтересованных в поиске грантов и локальных выставочных площадок. Эмили стала пятой в его небольшой группе. И единственной, с кем он смог продвинуться дальше студенческих художественных показов.

«Эта выставка — тихая революция: вместо грандиозных панорам — интимные моменты, где даже ржавый велосипед у забора становится символом целой жизни».

Они смотрели на мир до удивления одинаково. Пили одинаково крепкий кофе, любили прогулки на природе, долгие автомобильные поездки и завтраки в придорожных кафе. Эмили умела видеть красоту в обыденных вещах — сельских амбарах, зеленых холмах, мосте над горной речкой — и переносила ее на холст с невероятной точностью, словно вкладывала в густые мазки душу. Благодаря ее картинам Джастин осознал, что любит в родной стране. А еще понял, что эта любовь нужна и интересна другим. Работы Эмили Грин охотно брали на выставки и аукционы. И, что не менее важно, покупали.

Он стал ее первым агентом, она — его лучшей художницей. И только спустя три года совместной работы их отношения переросли во что-то большее.

Джастин не помнил, кто сделал первый шаг. Эмили шутила, что дело было в мокрых рубашках и бутылке вина, которую они, дрожащие и замерзшие, только что спустившиеся с гор после очередной вылазки за вдохновением

ИСКРЫ НАДЕЖДЫ

и красивыми фото, выпили в номере мотеля на пустой желудок. Но Джастин знал: дело было в ней самой. С той ночи все... Нет, не изменилось. Просто стало лучше, как будто две недостающих детали пазла встали на свои места.

В Нью-Йорк, открывающий большие перспективы для выставяющейся художницы и ее агента, они переехали уже в статусе состоявшейся пары. Сняли квартиру с отдельным кабинетом для него и панорамными окнами для нее, чтобы всегда можно было найти для мольберта угол с естественным светом. Эмили писала картины, он договаривался с площадками и искал спонсоров. И к концу их второго года вместе стало понятно: пришла пора делать следующий шаг.

Он планировал сделать предложение в начале весны. Съездить за город за первоцветами, которые всегда вдохновляли его Эми на новые работы, полные ожидания чуда и хрупкой нежности, устроить пикник с видом на Гудзон и там, в окружении всего, что так нравилось им обоим, задать *тот самый* вопрос. Но подвернулась возможность устроить сольную выставку Эмили в середине зимы, и это показалось лучшим вариантом.

Вечер, после которого все должно было измениться. Известность, долгосрочный контракт с выставочной площадкой, серьезные покупатели. Первый крупный кейс в его карьере арт-агента. И, конечно же, новая глава их совместной жизни.

«Технически безупречно, но без холодного академизма — пейзажи Грин дышат, и это заставляет зрителя замирать у каждого холста».

Джастин расставлял на столе завтрак так же тщательно, как Эмили выстраивала композицию для своих картин. Светлая скатерть, две тарелки на ярких салфетках. Стопка

блинчиков, горячих и желтых, точно маленькие солнца. Джем, мед, взбитые сливки. Молоко, чтобы Эмили могла добавить себе столько, сколько сочтет нужным. Крепкий черный кофе, только что сваренный в джезве и разлитый по белым чашечкам. После вчерашней «Вдовы Клико» им обоим не помешает взбодриться.

И, конечно, кольцо.

Маленькая бархатная коробочка заняла место в центре стола. Джастин провел по ней пальцем, представляя, как Эмили ее откроет. Как ее глаза расширятся от удивления и заблестят ярче, чем бриллиант, венчающий тонкий золотой ободок. Как она засмеется. Как скажет: «Да». Быть может, они даже отложат завтрак, решив несколько иначе отметить начало их новой жизни.

Для идеальной картины не хватало последней детали — голубики. Любимыми ягодами Эмили Джастин планировал украсить стопку блинчиков. Он потянулся к холодильнику, достал лоток и замер.

Внутри было пусто.

«Черт, — тихо ругнулся он, поджимая губы. — Совсем забыл».

Впрочем, время было. Маленький магазинчик индуса Камала, торговавшего свежими овощами и фруктами, всего через дорогу от их дома. Туда и обратно — не больше пяти минут. Эмили и проснуться не успеет.

Осторожно подкравшись к спальне, Джастин приоткрыл дверь, заглядывая внутрь. Эмили спала. Утреннее солнце пробивалось сквозь жалюзи, расчерчивая тонкими полосами пол, стену и их смятую постель. Пятна света ложились бликами на совместные фотографии, искрились на свежей краске незаконченной картины — две лошади, наперегонки с ветром мчащиеся по зеленому лугу. Мерно тикали на тумбочке механические часы — его подарок Эмили на прошлый день рождения. Металлические

ИСКРЫ НАДЕЖДЫ

звенья ремешка ловили солнечные лучи, пуская по комнате ярких зайчиков.

«Грин пишет свет так, будто он материален — можно протянуть руку и ощутить тепло на ладони».

Джастину иногда казалось, что Эмили и сама состояла из чистого света. Теплая кожа, рыжие волосы, россыпь веснушек на щеках и носу, становившихся особенно заметными весной и летом, когда они совершали частые вылазки на природу. Таких людей обычно называли «поцелованными солнцем», и Эмили целиком и полностью соответствовала этим словам.

Наглый луч вскарабкался вверх по простыне, коснулся ладони с мозолями от кисточки. Эмили заворочалась, убирая руку под щеку. Волосы, золотившиеся в солнечном свете, вольно разметались по подушке, на губах блуждала улыбка. Джастин на мгновение замер любуясь. Ему хотелось запомнить этот миг во всех деталях. Солнце, спящая Эми, щемящее предвкушение чуда.

«Нет момента лучше, чем сейчас», — любила говорить его мама.

Он написал эти слова на листе бумаги, который вложил в конверт и опустил на пустую подушку рядом головой Эмили. На обратной стороне было короткое: «Жду на кухне».

Джастин решил подразнить судьбу и, наклонившись, невесомо коснулся губами виска Эми. Она шевельнулась и улыбнулась сквозь дрему.

Джастин с сожалением отстранился.

«Пора».

Накинув куртку и подхватив ключи, он вышел на лестничную клетку. Лифт приехал на удивление быстро. В его кабине уже была их пожилая соседка, миссис Блэк, и ее

черный пес. Джастин почесал добродушного здоровяка за ушами и улыбнулся старушке.

— Чего это ты такой радостный? — поинтересовалась она с усмешкой. — Сияешь так, что я уже пожалела, что не надела солнечные очки.

— Сегодня делаю предложение Эми, — признался Джастин. И улыбнулся еще шире, не в силах сдержать рвущееся изнутри счастье.

Старушка фыркнула, потрепав Джастина по голове, словно любимого внука.

— Смешной ты, мальчик. Чисто мой старый дурень. У него было такое же лицо, когда я наконец согласилась пойти с ним на свидание. Да ты влюблен по уши!

— Да... — согласился Джастин. И не только потому, что с миссис Блэк лучше было не спорить. Он действительно был влюблен уже три года и не собирался это скрывать.

Миссис Блэк захихикала, деликатно прикрывая рот ладошкой. И наверняка продолжила бы разговор, если бы двери лифта не открылись, выпуская их в холл. Черный пес, почуяв свободу, натянул поводок, и старушка засемила следом.

— Осторожнее на улице, дурашка, — напутственно проговорила она Джастину, обернувшись у самого крыльца. — Ночью были заморозки, а ты, как я вижу, витаешь в облаках.

— И вы тоже будьте осторожнее, — улыбнулся он, сразу же выбросив из головы это предостережение.

В квартире ждала Эмили. Стоило поторопиться.

Улица была пустынна. Ночью ударил мороз, и тротуары блестели от наледи. Джастин огляделся. Никого. Даже миссис Блэк уже скрылась за поворотом.

Магазинчик Камала искушающе манил открытыми дверями. Джастин шагнул на дорогу. Солнце, отражаясь от многочисленных окон, сверкало всюду. Он прикрыл

ИСКРЫ НАДЕЖДЫ

рукой глаза. Улыбка не сходила с его лица — сегодня будет лучший день в его жизни.

Лучший.

Он даже не понял, на чем именно поскользнулся. Просто асфальт вдруг ушел из-под ног, руки описали дугу, глаза ослепило пронзительно-синее небо. Затылок пронзила боль.

«Да что же такое! — промелькнуло у Джастина в голове. — Неужели...»

Подняться он не успел.

Визг тормозов разорвал утреннюю тишину. А за ним пришла тьма.

Глава 1

Резкий толчок, едва не швырнувший ее головой в спинку переднего кресла, выдернул Эмили из мутной дремоты. Она поморщилась, с трудом разлепляя глаза. И тут же осознала, что лучше бы так и держала их закрытыми. В полумраке салона междугороднего автобуса отчетливо виднелись красные и синие всполохи полицейских огней, отражавшиеся на стеклах. С улицы доносились неразборчивые отрывистые голоса, металась в свете фар серые тени.

— Авария, — буркнул кто-то, выглядывая в проход. — Походу, парень бросился под машину. И что, скажите на милость, ему понадобилось посреди шоссе?

— Вот-вот! А нам теперь стоять, пока полиция не соскребет все, что от него осталось, и не разрешит движение.

— Идиот, одним словом.

Эмили сжалась в кресле, борясь с желанием зажмуриться и закрыть лицо руками. Разговоры об аварии на дороге — пусть это была *не та* авария и *не та* дорога — до сих пор причиняли ей боль. Почти полтора года назад Джастина... Джастина Лейка, ее жениха, не стало. Глупо не стало. Он поскользнулся, переходя улицу, и сильно ударился затылком. А водитель, в этот момент выехавший из-за поворота, не справился с управлением на обледенелом после ночных заморозков асфальте.

Удар.

Тьма.

Губы задрожали от нахлынувших воспоминаний. Картина идиллического... рокового утра, которая, наверное, никогда не поблекнет в памяти, вновь встала перед внутренним взором. Залитая светом кухня, стопка блинчиков на обеденном столе, идеально расставленные тарелки, две чашки кофе. Коробочка с кольцом, отблеск солнца играет на острых гранях бриллианта. В руке записка, выведенная красивым ровным почерком.

«Жду на кухне».

Но Джастина не было — ни у стола, ни в квартире. Лишь пустой лоток из-под голубики стоял на кухонном островке, и отблески огней полицейской машины, приехавшей на вызов соседки миссис Блэк, едва заметно перемигивались за окном то красным, то синим, отсчитывая последние секунды, когда еще можно было что-то исправить.

Спасти. Удержать. Попроцаться.

Она не успела ни одного, ни другого, ни третьего. И даже когда в дверь постучали, не сразу поняла, что к чему...

Раздавшийся позади автобуса автомобильный гудок вырвал из удушающего плена воспоминаний. В салоне недовольно зашикали пассажиры.

— Эй! — громко возмутился мужчина с заднего ряда, как будто нетерпеливый водитель мог его услышать. — Сигнальте-то зачем? Будто это наша вина, что полиция закрыла проезд. Мы тут такие же потерпевшие, как и ты, приятель!

«Никто не виноват», — эхом откликнулись воспоминания.

Так ей и сообщили. *Несчастный случай. Реанимация не успела вовремя.* Глупая, нелепая смерть.

Сказать, что это стало тяжелым ударом, значит, не сказать ничего. Джастин был для нее всем — любимым человеком, арт-агентом, менеджером и единственным на весь Нью-Йорк другом. Неудивительно, что его смерть ее

сломала. Нет, не сломала — разбила на миллион осколков, словно стеклянный стакан с водой, выпавший из рук и ударившийся о паркет в тот момент, когда полицейский произнес роковые слова.

Первый месяц после похорон прошел как в тумане. Эмили ходила по пустым комнатам тенью себя прежней. Ела, когда заставляла миссис Блэк, выслушивала соболезнования по телефону, механически отвечала, хотя слова, срывавшиеся с губ, не задевали ни разум, ни сердце. Роберт, коллега Джастина, также имевший договоренности с нью-йоркской галереей в Сохо, пытался поговорить с ней о каких-то покупателях, работах и новой выставке, но она лишь отмахнулась от его слов.

«Это должна была быть сделка Джастина, — болезненно билось в висках. — Его контракт. Его триумф. А без него...»

Без него Эмили ничего не хотела.

Остаться одной в солнечной квартире, где каждая мелочь напоминала о былом счастье, она не смогла. Закрепить успех сольной выставки — тоже. Родители освободили гостевую спальню и забрали ее домой в надежде, что за несколько месяцев в кругу семьи Эмили станет лучше.

Не стало. В Хаммонде, пасмурном и сером пригороде Чикаго, было так же тоскливо, как и на душе.

Весна сменилась летом, лето — зимой. И через пару месяцев после первой годовщины гибели Джастина ее мать не выдержала.

— Бренда звонила, — сообщила она за ужином как обычно погруженной в себя дочери.

Эмили отстраненно кивнула. Тетя Бренда и дядя Эван забирали ее на лето каждый год вплоть до поступления в колледж. В уютном маленьком Гленвуде Эмили впервые взяла в руки кисти.

Казалось, это было в какой-то прошлой жизни.

— Папа рассказал ей о твоём... состоянии, и Бренда надеется, что ты захочешь приехать. Тебя же так вдохновляли

те места. Ты привозила столько альбомов и холстов, что Роб с трудом мог уместить все в багажник машины.

Миссис Грин слишком поздно осознала, что последнее говорить не стоило. Пальцы Эмили крепко сжали вилку, голова опустилась ниже. Картины были столь же болезненной темой, как и Джастин.

Потому что рисовать она больше не могла.

Каждый раз, когда она закрывала глаза, в голове всплывало солнечное зимнее утро гибели Джастина. И кисточка тянулась уже не к ярким цветам, а к насыщенной угольно-черной краске, а затем резкими штрихами расчерчивала холст. Эмили казалось, что в ней больше не осталось прежнего света. Лишь чернота, горе, разъедающее изнутри, и боль, которая не находила выхода.

«И как должны помочь Бренда и зеленые холмы Гленвуда? — мрачно подумала Эмили, не отрывая взгляда от тарелки. — Как, если не помогли ни попытки выплеснуть эмоции на холст, ни переезд из Нью-Йорка к родителям, ни год психотерапии, ни время, которое, как говорят, должно лечить все?»

Но мать не отступала.

— Соглашайся, Эми, дорогая. — Миссис Грин умоляюще сложила руки. — Развеешься, развлечешься. Свежий воздух пойдет тебе на пользу. Может, и письмо от галереи наконец-то вскрыешь.

Письмо от галереи «Грей Арт», пересланное Робертом на чикагский адрес Гринов, так и лежало неоткрытым. У Эмили на него не было сил. Равно как и на споры.

Она позволила матери купить билет, выложила из сумки заботливо упакованный миссис Грин альбом и ящик с красками, освободила гостевую комнату, простилась с родителями. И через шесть часов после отъезда оказалась здесь — на девяносто четвертом шоссе в вечернем междугороднем рейсе «Чикаго — Гленвуд» с пересадкой в Миннеаполисе.

Все с той же пустотой внутри.

Их снова тряхнуло — автобус тронулся. Эмили торопливо отвернулась от окна, чтобы не видеть место аварии. Но все равно всполохи — красные, синие — пробрались под сомкнутые веки.

Она ненавидела эти цвета. В черно-сером мире, каким он стал для нее после гибели Джастина, им просто не было места.

* * *

Автобусная станция Гленвуда, куда она добралась лишь к вечеру следующего дня, встретила ее пустотой и моросящим дождем.

Одинокий черный седан ждал на парковке. Бренда Джонс, высокая худая женщина средних лет, стояла рядом с приоткрытой водительской дверью. Было видно, что она только что вышла — в волосах и на одежде сверкало лишь несколько мелких капель.

Взглядом художницы Эмили подметила новые детали: пшеничные кудри, уже изрядно тронутые сединой, острые штрихи морщинок в уголках глаз и губ. Лишь россыпь веснушек на носу и щеках и любовь к ярким объемным свитерам осталась прежней. Эмили редко рисовала людей, но привычка расщеплять реальность на мелкие мазки кистью распространялась и на них.

Для веснушек она взяла бы сепию. На носу чуть темнее, на щеках — бледнее. Золотистую охру с вкраплениями белил для волос, неаполитанскую розовую на щеки. А чтобы нарисовать свитер, пришлось бы выдавить на палитру по капле из каждого тюбика. В тете было столько красок, что они прорывались даже через серую пелену, затянувшую восприятие Эмили.

— Привет, дорогая.

Бренда раскрыла руки, чтобы заключить Эмили в объятия.

ИСКРЫ НАДЕЖДЫ

Но время, когда племянница бежала к ней с радостным визгом, осталось в прошлом. Теперь между ними стояла целая жизнь — вернее, смерть. Болезнь и смерть дяди Эвана, папиного брата и мужа Бренды. Смерть Джастина. Несостоявшаяся свадьба Эмили. Апатия. Разбитые надежды на счастье, превратившие смешливую девчонку-подростка в бледную тень.

Эмили не двинулась с места.

Руки Бренды опустились, признавая поражение.

— Может, перекусим? — спросила тетя, пряча неловкость за кивком на заведение через дорогу. — Там сейчас новый владелец, но кофе у него отличный.

И действительно, знакомую с детства вывеску придорожного кафе сменила такая же, только с другим именем. Раньше дальнобойщики, проезжавшие мимо Гленвуда по автомагистрали, завтракали «У Пенни», а сейчас ее место занял некий Йохан. Через окно можно было увидеть все те же виниловые диваны, где они с девчонками когда-то сидели, потягивая молочные коктейли, на барной стойке угадывался горбатый силуэт старого радиоприемника. Даже широкая спина сидящего за крайним столиком мужчины казалась странно знакомой.

Неужели?..

Не желая погружаться в воспоминания, Эмили встряхнула головой.

Бренда вздохнула.

— Хорошо. Давай загрузим вещи и поедем. Ты, наверное, устала с дороги.

Они убрали чемодан в багажник и заняли места на передних сиденьях. Машина тронулась, пересекая шоссе и вырывая на Миннесота-авеню, одну из двух крупных улиц, растянувшихся в Гленвуде с востока на запад. Дорога была почти пуста, но тетя все равно ехала медленно, то ли давая племяннице время заново познакомиться с городом,